

Дневник переводчика Посольского приказа 1654–1664 гг. Новый источник о международных отношениях середины XVII в.

Олег Русаковский

**Diary of a translator of the Ambassadorial Chancery, 1654–1664.
A new source on the history of international relations in the mid-17th century**

Oleg Rusakovskiy
(HSE University, Moscow, Russia)

DOI: 10.31857/S086956872205003X, EDN: KKIOZE

Последние десятилетия ознаменовались ростом интереса специалистов по российской истории XVII в., как историков, так и филологов, к деятельности переводчиков Посольского приказа, сыгравших значительную роль в осуществлении культурных контактов допетровской России с европейскими и азиатскими странами. Уточняются детали биографий отдельных переводчиков и обстоятельства создания конкретных переводов, анализируется роль переводчиков в дипломатическом обиходе, их социальное и имущественное положение¹. Введены в научный оборот и публикуются новые источники о деятельности служащих Посольского приказа, в том числе и выполненные в его стенах переводы². Документы личного происхождения, вышедшие из-под пера переводчиков, однако, практически отсутствуют. В результате эти люди, в большинстве своём иноземцы, состоявшие на русской службе и обладавшие большим жизненным опытом и широким кругозором, парадоксальным образом оказались лишены собственного голоса. Их действительные суждения о собственной деятельности и политике Русского государства приходится вычитывать между строк в строго формализованном языке приказной документации или восстанавливать на основе отзывов иностранных путешественников, зачастую пристрастных или некомпетентных.

Уникальным как по объёму, так и по характеру приведённой информации представляется анонимный дневник одного из переводчиков Посольского приказа, сохранившийся в немецкоязычной рукописи в собрании Библиотеки академии наук. Источник до сих пор оставался практически вне поля зрения исследователей³. В описи он обозначен как «Дневник войны о войне русских

© 2022 г. О.В. Русаковский

Автор благодарен за помощь в работе над статьёй И.В. Герасимовой, А.Г. Гуськову, И.В. Дубровскому, П.И. Прудовскому и О.С. Сапожниковой.

¹ Лисейцев Д.В. Посольский приказ в эпоху Смуты. М., 2003; Беляков А.В. Служащие Посольского приказа. 1645–1682 гг. СПб., 2017; Переводчики и переводы в России конца XVI – начала XVIII столетий / Отв. ред. Д.В. Лисейцев, С.М. Шагин. М., 2019; Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шагин С.М. Переводчики Посольского приказа в XVII в. Персональный состав (предварительные данные) // Переводчики и переводы в России... С. 187–208.

² Вести-куранты. 1656, 1660–1662, 1664–1670 гг. Ч. 1–2 / Под ред. А.М. Молдована, И. Майер. М., 2008–2009; Вести-куранты. 1671–1672 гг. / Под ред. В.Б. Крысько, И. Майер. М., 2017; Шагин С.М. Куранты XVII столетия. Европейская пресса в России и возникновение русской периодической печати. М.; СПб., 2007.

³ Материалы рукописи, относящиеся к истории Вильно, использовались: Герасимова И.В. Под властью русского царя. Социокультурная среда Вильны в середине XVII века. СПб., 2015.

и поляков с 1654 по 1664 год» («Tagebuch des Krieges über den Krieg d. Russen und Polen v. Jahr 1654 bis 1664»), в то время как текст в самой рукописи имеет заголовок «Извлечение из рукописи пленённого русскими польского переводчика, состоявшего затем на русской службе, по имени Григорий Колерцкий» с латинской припиской «Деяния царя Алексея Михайловича с 1654 по 1664 год»⁴. Оба названия в целом соответствуют содержанию текста. Открывается дневник сообщением от 4 августа 1654 г.⁵ о разграблении русскими войсками Орши и охватывает события до конца 1664 г., причём большую его часть составляют подневные записи. Автор дневника почти не сообщает сведений о себе и ни разу не называет себя по имени, но приводит подробную информацию о военных действиях в Великом княжестве Литовском, дипломатических переговорах в Москве и на посольских съездах с польскими и шведскими послами, внутренней политике России и иных сюжетах. Степень детальности этих сообщений делает дневник ценным историческим источником. В то же время с автором связано немало загадок, и некоторых из них я коснусь в настоящей статье.

Общий объём рукописи составляет 189 листов *in folio*. Несомненно, это не автограф дневника, а его поздний список, конец которого, по всей видимости, утерян. Последняя фраза рукописи, относящаяся к событиям 1664 г., обрывается на полуслове в конце листа: «Россия и Шведское королевство не пришли в этом году ни к чему определённого, остановившись на том, что великое посольство...»⁶. Бумага, использованная в рукописи, может быть датирована периодом между 1710 и 1740 гг.⁷ Переплёт относится, видимо, к концу XVIII — началу XIX в. Схожие переплёты встречаются у некоторых других рукописных книг собрания БАН.

Первые надёжные сведения о дневнике связаны с именем Иоганна Георга Лоттера (1699–1737)⁸. Уроженец Аугсбурга, обучавшийся в Галле и окончивший университет в Лейпциге, он получил известность как автор работ по античной и средневековой истории и в 1734 г. принял должность профессора риторики и греческих и римских древностей при Петербургской Академии наук. В апреле 1736 г. ему поручили составление жизнеописания царя Алексея Михайловича, которому предстояло стать предисловием к начатому в феврале 1735 г. переизданию Уложения 1649 г.⁹ В октябре 1736 г. Лоттер представил Академии первый набросок этого труда с дополнением в виде генеалогических таблиц, составленных Г.З. Байером. Уже в феврале 1737 г. стало, однако,

⁴ НИОР БАН, Собрание иностранных рукописей, F 15 (далее – Tagebuch), л. 1: Extract aus einem Manuscripto eines von den Russen gefangenen polnischen Translateurs, so in russischen Diensten gestanden, namens Gregory Kolerzczy. Res gestae Cz. Alexii Mich. ab Anno 1654 usque 1664.

⁵ Все даты в тексте дневника и в настоящей статье (за исключением специально оговорённых случаев) приведены по юлианскому календарю.

⁶ Tagebuch, л. 189 об.: Zwischen Rußland und der Cron Schweden ward auch in diesem Jahr keine einige Gewißheit getroffen, sondern es blieb dabey, daß eine große Gesandtschaft von...

⁷ В рукописи идентифицированы филигранные «Герб Амстердама» двух типов, близкие к приведённым в альбоме: Дианова Т.В. Филигранные XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998. № 405, 406, 412.

⁸ Franck J. Lotter, Johann Georg // Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 19. Leipzig, 1884. S. 272; Veith F.A. Bibliotheca Augustana. Bd. 11. Augustae Vindelicarum, 1795. P. 120–136; Пекарский П.П. История Императорской Академии наук в Петербурге. Т. 1. СПб., 1870. С. 535–538; Материалы для истории Императорской Академии наук. Т. 6. СПб., 1890. С. 381–383.

⁹ Материалы для истории... Т. 6. С. 436–437; Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 536–537.

очевидно, что продолжать свой труд Лоттер не сможет из-за прогрессирующей болезни, и Академия затребовала его рукописи и рабочие материалы в своё распоряжение. Чуть более месяца спустя, 1 апреля 1737 г., Лоттер умер. Работу над жизнеописанием Алексея Михайловича взял на себя Байер, представивший свою редакцию труда руководству Академии в ноябре 1737 г.¹⁰, но и он неожиданно скончался в феврале 1738 г.

Сам текст жизнеописания сохранился на немецком языке в единственной переписанной начисто, вероятно, копиистом Академии, рукописи, находящейся ныне, как и дневник, в собрании БАН. Её пространное заглавие звучит как «Попытка описания жизни и деяний Алексея Михайловича, царя и великого князя всея Руси, и прочая, и прочая, и прочая, поскольку таковое может быть составлено из наличествующих рукописных свидетельств и печатных книг»¹¹. Рукопись открывается кратким описанием царствования Михаила Фёдоровича и хронологически охватывает всё правление его сына вплоть до кончины в 1676 г. Её объём составляет около 400 листов и намного превышает отрывок, представленный Лоттером Академии.

Автор жизнеописания Алексея Михайловича, очевидно, не владел в достаточной степени русским языком и столкнулся с почти полным отсутствием доступных источников. Как свидетельствуют содержащиеся в тексте ссылки, Лоттер не пользовался не только русскими рукописями, но даже и печатными изданиями. Ему пришлось довольствоваться общими работами по европейской военной и дипломатической истории и немногочисленными записками иностранцев. Единожды он ссылается на записки П. Гордона¹² и трижды на не поддающийся идентификации дневник немецкого офицера, охватывающий события 1667–1671 гг.¹³

Рукопись дневника переводчика оказалась для Лоттера поистине бесценной находкой. Описывая вступление царских армий в пределы Великого княжества Литовского, он впервые дал сноску на «рукопись пленного поляка, который затем остался на русской службе в качестве переводчика (Григория Колерцкого) и описал события 1654–1664 гг., и которому мы, за недостатком многих известий, будем большей частью следовать, исключая те случаи, когда я обращаюсь к польским писаниям»¹⁴. Это откровенное признание полностью оправдано: в дальнейшем Лоттер более 30 раз упомянул сочинение Колерцкого как основной и едва ли не единственный источник. Фактически же «Жизнеописание» превратилось в подробный, иногда дословный пересказ дневника. Когда сведения Колерцкого вступали в противоречие с сообщениями из «Жизнеописания Карла Густава» Пуффендорфа, Лоттер, не утруждая себя аргументами, принимал на веру записи дневника¹⁵. Говоря о скандальном приёме английского посольства в Кремле в ноябре 1663 г., он заметил: «Всё последующее [взято] из журнала Г. Колерцкого; напротив, можно воз-

¹⁰ Материалы для истории... Т. 6. С. 436–437.

¹¹ НИОР БАН, Собрание иностранных рукописей, F 16. Versuch von einer Beschreibung des Lebens und der Thaten Alexei Michailowitz, Czaren u. GroßFürsten von gantz Rußland, etc., etc., etc., so gut dieselben aus vorhanden seynden schriftlichen Urkunden und gedruckten Büchern zusammen getragen werden können.

¹² Там же, л. 203.

¹³ Там же, л. 309, 311, 312.

¹⁴ Там же, л. 86 об.–87.

¹⁵ Там же, л. 112 об.

держаться от [чтения] напечатанных путевых заметок, которые совершенно пристрастны»¹⁶.

Дойдя до начала 1665 г., Лоттер с сожалением отметил: «До сей поры журнал Колерцкого служил мне верную службу. Здесь, однако, он кончается, и я не нахожу никаких известий, кроме тех, которые я могу почерпнуть из другого журнала одного немецкого офицера, начинающегося, однако, лишь с 1667 г. Поэтому я не могу ничего сказать в особенности об Андрусовском мире и вообще о 1665 и 1666 годах»¹⁷. Несомненно, Лоттер пользовался доступным нам текстом дневника, который открывается описанием событий лета 1654 г. и обрывается концом 1664 г. Можно предположить, что именно для нужд Лоттера сделали его единственный сохранившийся список. По всей вероятности, его в конце мая 1737 г. вместе с другими подготовительными материалами Лоттера передал в архив Академии Байер¹⁸.

Неясно, однако, как именно протограф дневника оказался в распоряжении Академии. С некоторым основанием можно предположить две возможности. По словам Миллера, «на собрании Академии 12 декабря [1735 г.] было решено, что копиист Юберкампф должен в дни, свободные от заседаний, ходить к господину барону ф. Гюйссену и... делать выписки, служащие к российской истории, в особенности относящиеся к жизни царя Алексея Михайловича, что, однако же, было прекращено без объяснения причин с 14 января 1736 г.»¹⁹. Неизвестно, был ли знаком с дневником Г. фон Гюйссен. В более ранних его сочинениях материал дневника не использовался; впрочем, экскурсии в царствование Алексея Михайловича в них кратки и не требовали специального отбора источников²⁰. П.П. Пекарский утверждал, ссылаясь на протокол заседания Академии от 17 января 1736 г., что материалы, выданные Лоттеру, происходили из собрания Я. Брюса. Действительно, Брюс умер в апреле 1735 г., но опубликованные описания его собрания не содержат упоминаний о рукописи, чье содержание могло быть сходно с дневником²¹.

Дневник охватывает события 11 первых лет русско-польской войны 1654–1667 гг. Записи за каждый год в нём состоят из двух разделов. В первом из них в хронологическом порядке помещены подневные заметки. Временные интервалы между отдельными записями могли быть значительными, достигая, особенно в начале, нескольких месяцев. Разделы за каждый год завершаются довольно объёмными «дополнениями», где без указания точных дат рассказывается о важнейших событиях, произошедших в России и соседних государствах на протяжении всего года. Можно предположить, что дневниковая часть текста повествует о событиях, в которых автор мог принимать личное участие или о которых он знал из первых рук, в то время как «Дополнения» рисуют общую картину на основе слухов, иностранных газет и листовок или известных автору русских официальных документов. В то же время многие важные для автора дневника темы проходят красной нитью как через подневные записи,

¹⁶ Там же, л. 297: Alles folgende aus des G. Kolerzczy Journal, wogegen die gedruckte Reisebeschreibung, die voller Partheylichkeit ist, gehalten worden kan.

¹⁷ Там же, л. 306.

¹⁸ Материалы для истории... Т. 6. С. 437.

¹⁹ Там же. С. 436.

²⁰ Korzun S. Heinrich von Huysen (1666–1739). Prinzenerzieher, Diplomat und Publizist in den Diensten Zar Peters I., des Großen. Wiesbaden, 2013. S. 169–190.

²¹ Библиотека Я.В. Брюса. Каталог / Сост. Е.А. Савельева. Л., 1989.

так и через «Дополнения», поддерживая смысловое и стилистическое единство текста. С течением времени дневник становится всё более подробным: если записи за 1655 г. занимают 14 листов, то 1664 г. описан уже на 55 листах (почти треть всего сохранившегося текста).

Первые записи дневника за 1654 г. лапидарны и касаются исключительно действий русских войск в окрестностях Смоленска, включая неудачный штурм города 16 августа. Затем следуют несколько записей, относящихся к происшествиям в некоторых неназванных монастырях, по всей видимости, в Москве или её окрестностях. 11 марта 1655 г. впервые появляется заметка о царском выезде из Кремля²², но затем записи прерываются до сентября 1655 г. 1 сентября в дневнике следует первое упоминание о деятельности Посольского приказа, а именно о возвращении подьячего И. Поздышева и толмача Ю. Бухгольца из посылки к герцогу Курляндскому²³. Вероятно, этот момент маркирует начало службы автора в этом ведомстве или, во всяком случае, его активного участия во внешнеполитической деятельности Русского государства.

Следующая важная дата — 7 октября 1655 г., на которую приходится пространное описание церемониала встречи императорских послов Аллегретто де Аллегретти и Дитриха фон Лорбаха в Кремле в отсутствие царя²⁴. В дальнейшем мы находим в дневнике подробные сведения о визите в Москву императорских, польских, шведских, датских и английских послов. Фактическая информация автора о ходе переговоров, во всяком случае, в отношении датировок, а также имён иностранных и русских дипломатов, весьма точна, что позволяет предположить его личное участие в этих событиях. Краткого упоминания в дневнике удостоились и приезды в Москву крымских и грузинских посланников, а также отправления русских послов и гонцов за рубеж и их возвращения в российскую столицу. В некоторых случаях автор отметил получение в Посольском приказе известий из соседних государств, поступавших в составе дипломатической переписки или иностранных газет.

Дневник подробно освещает посольские съезды на границах России, в которых, вероятно, принимал участие автор. Характерно, что на время этих посылок из него практически пропадают сведения о событиях, происходивших в самой Москве. Всего описаны пять съездов с польско-литовскими послами (в Вильно в августе—октябре 1656 г. и летом—осенью 1658 г., в Борисове и его окрестностях в течение весны—лета 1660 г., под Смоленском весной—осенью 1662 г. и летом 1664 г.) и один — со шведскими послами в Тонсдорфе и Пегюлле в сентябре—ноябре 1659 г. Как и в случае с приёмами послов в Кремле, сообщения дневника в большинстве своём хорошо согласуются с данными иных источников, прежде всего посольские книги, а в ряде эпизодов, вероятно, содержат уникальную информацию. Подробно описано смятение в посольском лагере во время переговоров под Вильно, прерванных битвой под Верками 11 октября 1658 г.²⁵ Рассказ о русско-шведском съезде 1659 г. содержит описание переговоров А.Л. Ордина-Нащокина с фельдмаршалом Р. Дугласом 5 ноя-

²² Tagebuch, л. 6.

²³ Там же, л. 6 об.

²⁴ Там же, л. 6 об.—8 об.

²⁵ Там же, л. 59—59 об. О переговорах под Вильно см.: *Флоря Б.Н.* Русское государство и его западные соседи (1655—1661 гг.). М., 2010. С. 346—422.

бря 1659 г., прошедших без прочих послов, но, вероятно, в присутствии автора дневника²⁶.

Интересны и частные детали посольского быта и оценки автора, которые не могли быть упомянуты в официальных дипломатических отчётах. В качестве примера приведу рассказ о смерти молодого кн. Ф.Н. Одоевского во время следования в Вильно 18 июля 1656 г. По уверению автора, князь заболел ещё за несколько дней до того, но его отец, боярин Н.И. Одоевский, возглавлявший миссию, не желая послушаться царского приказа и останавливаться в пути, велел посольству двигаться с большой скоростью до тех пор, пока у сына не началась агония. «Это было знаком великого послушания, которое этот народ оказывает своей власти... Господа посредники (императорские послы. — *О.Р.*) весьма дивились этому поступку, увещевая и прося отца щадить сына в его болезни и хотя бы один день не двигаться с места. Он же никак не позволял этого сделать, отвечая, что предпочитает потерять сына, хотя он и любил его всем сердцем, нежели дурно выполнить приказ своего государя»²⁷. На следующий день, 19 июля, «тело умершего боярина князя Фёдора Никитича Одоевского отправили в Москву с великими стенаниями старого господина отца, который в течении двух лет потерял трёх взрослых сыновей и остался теперь лишь с одним-единственным. Старик-отец сопровождал его пешком на протяжении четверти мили и весьма горько плакал»²⁸.

Если дипломатические переговоры, вероятно, описаны автором дневника на правах очевидца, то информацию о военных действиях в Великом княжестве Литовском, составлявших ещё один предмет его постоянного интереса, он, по всей видимости, черпал из вторых рук, исключая те краткие периоды, когда сам мог находиться на театре военных действий — в 1654 г. и в момент переговоров под Вильно в 1658 г. Тем не менее его сведения вполне точны. В ряде случаев, как, например, в рассказе о сдаче русским гарнизоном Виленского замка в ноябре 1661 г. и казни его последнего воеводы кн. Д.Е. Мышецкого, автор, вероятно, следовал польским источникам, оказавшимся в распоряжении Посольского приказа²⁹.

Исключительно важной и, как кажется, личной для автора дневника темой остаются бедствия польского дворянства (и лишь отчасти простого люда) на занятых русскими территориях и в русском плену. Примечательно, что речь почти всюду идёт именно о «польском дворянстве» — литовская шляхта нигде специально не упоминается и, видимо, включается в число «поляков». Русские сравниваются с египтянами, поляки — с находящимися у них в рабстве евреями³⁰. Автор с презрением отзывается о части шляхты, принявшей русское подданство: «Оставшиеся дворяне и часть рядовых солдат, которым в русских дипломах, написанных золотом, были обещаны великие вольности, подпали под ярмо русского рабства и, хотя и имели в начале некоторую свободу, в конце концов потеряли всё разом. С ними обошлись много суровее, чем они могли себе представить»³¹. Автор неоднократно подчёркивает, что русские прямо

²⁶ Tagebuch, л. 68–69 об. О русско-шведских переговорах см.: *Кобзарева Е.И.* Дипломатическая борьба России за выход к Балтийскому морю в 1655–1661 гг. М., 1998. С. 248–249.

²⁷ Tagebuch, л. 24 об.—25.

²⁸ Там же, л. 25.

²⁹ Там же, л. 98 об.—100 об.

³⁰ Там же, л. 2 об.

³¹ Там же, л. 2.

нарушали обязательства, данные при капитуляции польских городов и замков, лишали горожан и шляхту собственности, продавали или раздавали мужчин, женщин, детей в рабство своим воинам. Эта политика помогла русским компенсировать потери собственного населения от чумы. Автор приводит и цены на польских невольников в Москве в 1654–1655 гг.: 10 польских золотых или 4 рейхсталера за знатных мужчин; «женщин же, если они были хоть немного красивы, оценивали дороже, поскольку русский народ весьма склонен к похоти, продавали для поругания и разврата и обращались с ними много хуже, чем со зверьми. Один, использовав их для своего удовольствия, продавал другому за меньшую цену, чтобы выгадать на этом сущие гроши»³².

Автора интересовала и судьба поляков и литовцев, сосланных или проданных в русские города и в Сибирь. Дневник содержит общие упоминания о смерти многих из них во время вспышек чумы в Центральной России и в Поволжье в 1650-х гг. Сведения о положении польских пленнх и о планах их отпуска из России особенно подробны в записях 1662–1663 гг., когда этот вопрос стал одним из центральных на переговорах в Смоленске, в которых, вероятно, участвовал и автор дневника. Вместе с тем упоминания о судьбе отдельных пленнх достаточно редки. Выделяется в этом смысле история со счастливым концом, отмеченная автором во время пребывания на переговорах в Борисове в 1660 г.: «15 июня из Минска прибыл в Борисов с письмом от старосты Жемайтского дворянин Юзеф Ягужинский. Он выкупил за восемьдесят рублей свою невесту, девицу Полянскую, которую за несколько недель до того захватили войска генерала Хованского и продали одному дворянину из посольства, и 16 числа уехал с ней в Минск. Девица, будучи знатной и очень красивой, весьма опасалась за свою честь из-за приставаний русских, которые чрезвычайно сладострастны и покупают пленнх женщин только для блуда. Не видя иного способа защитить себя, она добровольно представлялась безумной, вцеплялась каждому, кто к ней приближался, в волосы и бороду и сама сбрасывала одежду, хотя и с некоторым стыдом. Она бешено нападала на русских, изображая ярость, и не хотела принимать ни еды, ни питья, бросая им в лицо то, что они приносили. Между тем мы, иноземцы, будучи хорошо осведомлены об этом намерении, тайно подкармливали её на протяжении целых четырёх недель через хозяйку, у которой дворянин был на постое, и таким образом сохранили ей жизнь до её освобождения»³³. Обращает на себя внимание единичное для дневника выражение «мы, иноземцы» — к нему предстоит вернуться при выяснении вопроса об авторстве дневника.

Очевидно негативное отношение к русской администрации распространяется в источнике не только на действия русской армии в Великом княжестве Литовском, но и на жестокости по отношению к собственным подданным. Уже на первых листах дневника автор рассказывает: «29 марта (1656 г. — *О.Р.*) отрубили голову топором одному мальчику восьми лет, сыну дворянина Ивана Елакина по той причине, что он, играя с другими мальчиками на улице города, где его отец был воеводой, сказался между ними царевичем. Его отца и мать замучили до смерти лишь из подозрения, не приказали ли они или не научили его таким словам»³⁴. Автор дневника, очевидно, относил подобную жестокость

³² Там же, л. 4 об.—5.

³³ Там же, л. 79–79 об.

³⁴ Там же, л. 20 об.

не на счёт экстраординарных мер и отдельных злоупотреблений, но, напротив, считал характерным следствием развращённости москвитов, поскольку «среди этого народа, который столь прославляет свои христианские добродетели и никого другого под солнцем не признаёт достойным христианского имени, нечего было и надеяться на сострадание и милосердие»³⁵. Законы и религия русских, утверждает автор, не ограничивают их жестокости. Два монаха, один из которых изнасиловал женщину, а другой «находясь в церкви, содомитским образом замучил до смерти некоего мальчика»³⁶, отделались лишь короткой ссылкой в провинциальные монастыри. Следует отметить, что подобные эпизоды и оценки, частые в начале дневника, становятся затем редкими, уступая место подробному описанию дипломатических и военных перипетий. Ещё более примечательно, что критика автором русских чиновников, военных командиров, монахов и вельмож никогда не обращается против государя.

Сообщения дневника о событиях внутренней жизни Русского государства отрывочны. Относительно подробно описана эпидемия чумы 1654/55 гг., причём автор определяет число её жертв в одной лишь Москве в «семьсот тысяч человек из числа благородных, не считая простого люда»³⁷ — цифра, разумеется, совершенно фантастическая, но вполне отвечающая духу времени. В следующем году автор упоминает о чуме в Казани, Астрахани и Нижнем Новгороде³⁸, а в 1657 г. — и в Речи Посполитой³⁹. Описаны и московские пожары 1657, 1659 и 1661 гг.⁴⁰, смотры войск и царские выезды⁴¹, восстание башкир 1662 г.⁴² С 1655 г. постоянной темой стала порча монеты и введение медных денег, видимо, затронувшие самого автора как приказного служащего. Вину за это он возлагает главным образом на управляющих монетным двором, а также крестьян и купцов, продававших зерно и хлеб по завышенным ценам. Решающую роль в отмене медных денег в 1663 г. он приписывает иноземным офицерам: «15 июня, получив от совершенно отчаявшихся служащих, в особенности от немецких офицеров, множество совершенно жалобных и заслуживающих размышления челобитных, власти спешно, прежде чем кто-то это заметил, издали приказ о полном упразднении с этого часа медной монеты»⁴³. Впрочем, и быстрое упразднение медных денег автор считает выгодным богатым и губительным для простого люда.

Кто же был автором дневника? Состав переводчиков и толмачей Посольского приказа, равно как и служащих иных приказов (например, Малороссийского или Аптекарского), привлекавшихся для письменного или устного перевода, хорошо известен, и человека по фамилии «Колерцкий» среди них нет. Если предположить, что переписчики ошиблись, и ориентироваться по созвучию фамилий, то очевидным кандидатом на авторство дневника становится Григорий Колчицкий (Кольчицкий), исполнявший в Посольском приказе обязанности переводчика польского и латинского языков с 1656/57 по 1667/68 г., а до и после того служив-

³⁵ Там же, л. 5 об.

³⁶ Там же, л. 6.

³⁷ Там же, л. 4 об.

³⁸ Там же, л. 19 об.

³⁹ Там же, л. 48 об.

⁴⁰ Там же, л. 47 об., 64 об., 89 об.

⁴¹ Там же, л. 6, 136–136 об.

⁴² Там же, л. 113 об.

⁴³ Там же, л. 121–121 об.

ший в Малороссийском приказе и умерший в 1678 г.⁴⁴ Пекарский, основываясь на заметках Миллера, прямо именуёт дневник «рукописью Кольчицкого»⁴⁵.

Существуют, однако, аргументы, заставляющие усомниться в авторстве Колчицкого. Достоверно известно, что он выехал на царскую службу ещё в 1651 г., и нет свидетельств о том, что когда-либо исполнял обязанности переводчика или толмача с немецкого языка. Нет оснований полагать, что Колчицкий владел этим языком в достаточной степени, чтобы осуществлять с него переводы и тем более вести на нём дневник. Он происходил из малороссийской православной шляхты и, вероятно, был православным по рождению, а автор дневника, даже если он формально и принял православие, религиозные обычаи русских знал не очень хорошо. Наконец, в дневнике мало внимания уделено положению в украинских землях, хотя основные военные и политические события там упомянуты. Между тем от Колчицкого и в связи с его происхождением, и вследствие службы в Малороссийском приказе естественно ожидать заинтересованности в малороссийских делах. Напротив, ничто не объясняло бы исключительный интерес и сочувствие Колчицкого к польско-литовской шляхте. Наконец, он не мог участвовать в некоторых из посольских съездов, подробно описанных в дневнике. В 1662 и 1664 гг., например, он отправлялся в «запорожские посылки» и в малороссийские города⁴⁶, в то время как автор дневника в то же время неотлучно присутствовал на многомесячных переговорах в Смоленске. Никак не отражена в дневнике «литовская служба» Колчицкого «в полку у боярина у князя Юрья Алексеевича Долгоруково с товарищи» в 1660 г.⁴⁷

Представляется, что поиски автора дневника по действительным или мнимым созвучиям фамилии не оправданы. Единственная запись, атрибутирующая дневник Колерцкому, сделана на первом листе рукописи почерком, отличным от основного. Можно предполагать, что это помета одного из сотрудников Академии, возможно, Лоттера или Байера. В самом же тексте дневника имя «Григорий Колерцкий» встречается единожды — при перечислении состава русского посольства, отправленного на переговоры в Вильно упомянуты «переводчики Христоф Боуш и Григорий Колерцкий»⁴⁸. Тожество Колерцкого и Колчицкого здесь почти несомненно. Но был ли этот человек автором дневника? Возможно, первые читатели текста сочли Колерцкого его создателем, поскольку это единственный переводчик с условно польской фамилией, упомянутый в тексте, а польская идентичность автора казалась им почти несомненной.

Поиски осложняются тем, что автор дневника не говорит прямо об обстоятельствах собственной службы и не сообщает сведений о своей жизни до попадания в русский плен. Местоимение «я» употребляется в тексте лишь дважды. Оно появляется в одном из эмоционально самых напряжённых мест дневника — в рассказе о голоде в Великом княжестве Литовском, включённом в состав «Добавления» к 1657 г.: «Оставшиеся в живых рассказывали мне, когда я некоторое время спустя проезжал через эту местность, что родители резали и ели своих детей. Одна женщина созналась, что она с двумя детьми наполовину съела мёртвого мужа. Другая — что она с мужем и старшим сыном, которые,

⁴⁴ Беляков А.В. Служащие Посольского приказа... С. 307; Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М. Переводчики Посольского приказа... С. 196.

⁴⁵ Пекарский П.П. Указ. соч. Т. 1. С. 537.

⁴⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1663 г., д. 1, л. 32; д. 2.

⁴⁷ Там же, 1662 г., д. 10, л. 73.

⁴⁸ Tagebuch, л. 23.

однако, в конце концов умерли от голода, зарезала двух младших детей и тем насытилась, но после того сама едва спаслась от мужа и старшего сына»⁴⁹.

Второй фрагмент носит иной характер. Рассказав о приёме английско-го посла графа Карлейля 6 февраля 1664 г. и о случившейся накануне неловкости (послу из-за взаимного недопонимания с русскими придворными пришлось ночевать за городскими воротами), автор дневника заметил: «Это посольство принимали с такой роскошью, что я до того не видел, чтобы в Москве кому-либо воздавали подобную честь и уважение. Несмотря на это посол сразу по прибытии отослал письмо, жалуясь на неуважение и оскорбление, причинённое ему, а с ним и его королю»⁵⁰. Этот фрагмент, с одной стороны, примечателен неожиданным появлением местоимения «я», с другой — создаёт серьёзную исследовательскую проблему. Известно о сочинении, изданном сотрудником посольства Г. Мъжем, содержащем жалобы на недолжное, по мнению англичан, обхождение с послом. Его составление санкционировал сам граф Карлейль в конце 1663 г. (ещё до прибытия посольства в Москву), но печатное издание вышло лишь шесть лет спустя⁵¹. Едва ли автор дневника имел в виду его. Скорее, речь может идти о рукописных сообщениях, отосланных Карлейлем или членами его посольства в Англию и, возможно, перлюстрированных русскими властями. Даже и в этом случае, однако, данный фрагмент остаётся важным и, возможно, единственным очевидным свидетельством того, что автор (или последующие переписчики) вносили изменения в подённые записи уже какое-то время спустя после зафиксированных в них событий.

Несмотря на почти полное отсутствие в дневнике высказываний от первого лица, содержащиеся в нём косвенные данные позволяют сделать выводы об идентичности его автора. С одной стороны, он не питал симпатий к русским и сочувствовал в большинстве случаев полякам, оказавшимся на занятой русскими войсками территории или в московском плену. С другой — местоимения «мы» и «наши» употребляются в дневнике исключительно в отношении русских послов и никогда — поляков. Автор во всех ситуациях сохраняет лояльность русскому царю и нигде не именует Яна Казимира своим королём, а Речь Посполитую своей родиной.

Автор дневника, очевидно, не считал себя православным и, по крайней мере, в одном случае, отметил странность русских религиозных обрядов: «9 мая (1659 г. — *О.Р.*) мирно и кротко упокоилась в Бозе царица Анна Алексеевна, бывшая на четвёртом году своей жизни. Её предали земле в тот же день, поскольку в этой стране не сохраняют тела на протяжении долгого времени, в Вознесенском монастыре, где погребают всех девиц царского рода, совершенно скромно и без какой-либо роскоши по местному обычаю»⁵². Церковный раскол 1650–1660-х гг. практически не удостоился его внимания: в дневнике лишь раз кратко упомянуты размолвка царя с патриархом Никоном и отъезд последнего в Новоиерусалимский монастырь⁵³. Отношение автора к протестан-

⁴⁹ Там же, л. 49.

⁵⁰ Там же, л. 137 об.

⁵¹ *Miege G. A Relation of three Ambassies from his sacred Majesty Charles II to the Great Duke of Moscovia, the King of Sweden and the King of Denmark, performed by the Earl of Carlisle in the years 1663 and 1664. L., 1669.* О приёме Карлейля в Москве см.: *Hennings J. Russia and Courtly Europe. Ritual and the Culture of Diplomacy, 1648–1725. Cambridge, 2016. P. 139–151.*

⁵² *Tagebuch*, л. 64 об.

⁵³ Там же, л. 55.

там различных конфессий и католикам кажется равным. Говоря о переходе князя Януша Радзивилла на сторону шведов в 1655 г., автор дневника упоминает, что некоторые приписывали этот «обман» влиянию протестантов в окружении князя, но поступок Радзивилла не осуждает — видимо, сговор со шведами представлялся ему предпочтительнее перехода на сторону русских⁵⁴. Аргументом в пользу протестантского вероисповедания автора может служить отсутствие григорианских датировок в дневнике, хотя приверженность юлианскому стилю можно объяснить и привычкой, приобретённой на русской службе.

Немецкий язык, на котором написан дневник, был для автора родным. Его стилистика и многие употребляемые обороты кажутся типичными для немецких текстов середины XVII в. Ярко выраженных диалектных особенностей в дневнике немного, и неясно, в какой степени они (или их отсутствие) могут быть отнесены на счёт позднейших переписчиков. Вероятно знакомство автора с латынью и, возможно, французским. Во всяком случае, можно констатировать частое и уверенное употребление лексики, заимствованной в немецкий из этих языков. Очевидно, автор хорошо знал и польский язык — запись польских и западнорусских имён и названий в дневнике следует за относительно нормативным польским написанием, при том, что диакритические знаки полностью утеряны. Русский язык автор дневника, безусловно, также знал хорошо — его транслитерации русских имён в целом продуманны и последовательны и основываются на передаче русских фонем через польские или немецкие сочетания букв. Грубые ошибки в употреблении русских имён, названий и терминов встречаются редко (например, постоянно фигурирует написание «Almag» в имени думного дьяка Алмаза Иванова). Автор свободно оперирует русской терминологией, к месту употребляя как русские названия должностей («*podiazeu*», «*diak*», «*wojjewoda*»), так и их переводы. Таким образом, его языковые компетенции соответствуют знаниям, ожидаемым от переводчика Посольского приказа, уверенно владевшего русским языком и способного переводить с немецкого, польского и латыни.

Среди переводчиков Посольского приказа 1650–1660-х гг., владевших этими языками, имеется, если сопоставить данные об их службе со сведениями о посольских посылках в интересующем нас тексте, очевидный кандидат на авторство дневника. Это Василий Боуш — один из двух (вместе с Колчицким) переводчиков, упомянутых в дневнике при описании посольской посылки под Вильно в 1656 г. Согласно большинству сохранившихся источников, Боуш (его немецкое имя Кристоф встречается только в дневнике) происходил из Курляндии⁵⁵. Сведения о его возрасте, социальном статусе и роде занятий в период жизни на родине в русских источниках отсутствуют. 14 августа 1654 г. Боуш попал в русский плен после битвы под Шепелевичами, после чего некоторое время «был в тюрьме»⁵⁶. Приказная документация отсчитывает его службу в Посольском приказе с 27 июня 1655 г. (по другим данным — с июля того же года или даже с 1655/56 г.)⁵⁷, что хорошо согласуется с данными дневника. Тогда же Боуш принял православную веру, получив русское имя Василий. Он был женат, но неизвестно, являлась ли его жена Ульяна русской или попала в плен

⁵⁴ Там же, л. 17 об.

⁵⁵ *Беляков А.В.* Служащие Посольского приказа... С. 287; *Беляков А.В., Гуськов А.Г., Лисейцев Д.В., Шамин С.М.* Переводчики Посольского приказа... С. 191.

⁵⁶ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1673 г., д. 5, л. 36.

⁵⁷ Там же, 1655 г., д. 1, л. 140–141, 167; 1673 г., д. 5, л. 36.

и перешла в новую веру вместе с ним. В челобитной Ульяны, поданной в Посольском приказе через два с половиной года после смерти мужа, упомянут их сын Григорий, а в деле по челобитной — и иные дети⁵⁸.

Боуш числился в приказе переводчиком с немецкого, латинского и польского языков⁵⁹ — набор, полностью подходящий для автора дневника: немецким он, очевидно, владел на уровне родного, польский и латынь также знал весьма хорошо. Его переводческая карьера протекала успешно, он регулярно получал прибавки к жалованью, а в 1657 г. стал владельцем двора в Китай-городе. Набор его посольских посылок идеально подходит для автора дневника. Боуш находился под Вильно в 1656 г.⁶⁰ Столь же надёжны совпадения сведений дневника с документами Посольского приказа относительно пребывания Боуша в иных посылках. Осенью 1658 г., в полном соответствии с дневником, отмечено его участие в польском посольском съезде. В 1659 г. Боуш был единственным переводчиком Посольского приказа на русско-шведских переговорах, хотя к переводу некоторых документов привлекались и иностранные купцы, и офицеры⁶¹. Вероятно, знаком доверия Боушу стала его посылка в одиночку в шведский лагерь 29 сентября 1659 г. для решения вопросов об организации посольского съезда⁶². Осенью 1662 г. он вместе с несколькими подьячими жаловался в челобитной на «скудость» и дороговизну на переговорах в Смоленске, описанных в дневнике. В 1664 г. Боуш, как и автор дневника, принимал участие в съезде с представителями Речи Посполитой⁶³.

Успешная карьера Боуша в Посольском приказе продолжилась и после 1664 г., на котором обрывается дневник. В конце 1667 г. он отправился в самостоятельную посылку гонцом за рубеж к курфюрсту Бранденбурга и на обратном пути 8 января 1668 г. умер в столице Курляндии Митаве⁶⁴. В посмертной описи его имущества упоминается некий «замкнутой мешечик, в котором того господина посланниковы книги»⁶⁵. Можно лишь гадать, мог ли находиться среди этих книг и автограф дневника.

Сравним данные дневника со свидетельствами иностранных дипломатов, имевших дело с Боушем во время их пребывания в России. В записи от 10 июля 1656 г. автор дневника сообщает, что «царь тайно, в присутствии лишь четырёх бояр или государственных советников, принял господ императорских послов, которые вернулись в Полоцк после встречи гонца с письмом императора, приказывавшим им отправляться на съезд в Вильно»⁶⁶. Участник посольства — дубровницкий дворянин Ф. Гундулич в своих записках об этом пишет: «20-го июля (по григорианскому календарю. — *О.Р.*), в четверг, мы имели ау-

⁵⁸ Там же, 1668 г., д. 8.

⁵⁹ В 1656 г. Боуш сообщал о себе в челобитной: «Работаю я, холоп твой, всякие твои государевы немецкие, царские и польские, частию и латинские дела в Посольском приказе неотступно» (Там же, 1655 г., д. 1, л. 166).

⁶⁰ Там же, 1657 г., д. 6; 1655 г., д. 1, л. 196.

⁶¹ Там же, 1662 г., д. 10, л. 70; ф. 96, оп. 1, кн. 48, л. 6 об., 17, 36, 45.

⁶² Там же, ф. 96, оп. 1, кн. 48, л. 81 об.—82. В дневнике эти переговоры датированы 28 сентября: Tagebuch, л. 66 об.

⁶³ РГАДА, ф. 138, оп. 1, 1662 г., д. 11; д. 10, л. 140; 1663 г., д. 1, л. 31.

⁶⁴ Документы посольства Боуша опубликованы: Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. Посольская книга по связям России с Бранденбургско-Прусским государством. 1649—1671 гг. / Сост. П.И. Прудовский. М., 2013. С. 216—327, 430—446. См. также: *Флоря Б.Н.* Внешнеполитическая программа А.Л. Ордина-Нащокина и попытки её осуществления. М., 2013. С. 205—207.

⁶⁵ Россия и Пруссия в середине XVII века. Т. 1. С. 435, 438.

⁶⁶ Tagebuch, л. 22 об.

диенцию у царя... Наша аудиенция происходила в доме иезуитов, в котором царь остановился. Мы застали царя на троне и с ним его тайных советников... Царь выразил г. Алегретичу своё сожаление, что император не хочет признать полного его титула... На всё это Алегретич отвечал, как подобало. Мне же царь приказал перевести в точности этот разговор Лорбаху, который не понимал по-славянски, а переводчик, какой-то новокрещённый курляндец, был небольшой знаток нашего языка»⁶⁷. Почти несомненно, что речь в данном случае идёт о Боуше. Утверждение Гундулича о плохом знании курляндцем немецкого языка оставим на совести мемуариста: немецкий — не родной для него язык, и знаком он был с южнонемецкими диалектами, неизвестными Боушу⁶⁸.

Упомянут Боуш и в дневнике датского посольства Г. Ольделанда, принадлежащем перу А. Роде. Тот свидетельствует, что обязанности толмача при них исполнял «пленный и перекрещённый лифляндец Василий Багус» (это единственное известие о Боуше, отрицающее его курляндское происхождение)⁶⁹. Рассказывая об аудиенции 25 марта 1659 г., Роде отмечает: «Сегодня имел до нас аудиенцию бранденбургский посланник Пётр Гофман, и так как толмач Василий Багус, который присутствовал при этой аудиенции, исполнял свои обязанности и на нашей аудиенции, то он раза два ошибся, когда произносил имя нашего всемилостивейшего короля, назвав его Фридрихом Вильгельмом вместо Фридриха». В дневнике содержится краткое упоминание об обеих аудиенциях 25 марта 1659 г. На следующий день, 26 марта, состоялись переговоры датских послов с боярами и тайная аудиенция у царя; оба события кратко описаны в дневнике и подтверждаются записками Роде, причём «Багус» упомянут несколько раз⁷⁰.

Упоминает Боуша (под именем *Vauscius*) и А. Мейерберг. По его словам, Боуш — один из двух переводчиков, присутствовавших при его первой аудиенции в Кремле 20 мая 1661 г. Дневник содержит запись об этом приёме, причём отмечает конфликт, проигнорированный Мейербергом: «Некоторые разногласия начали возникать только из-за титула и того, что в грамоте Его Императорского Величества Его Царское Величество именовался только “Вельможным” и “Вельможнейшим”, послы же именовали его не “Царское Величество”, а “Царское Вельможество”»⁷¹. Мейерберг же рассказывает о зачитывании и переводе титулов, умалчивая о разногласиях.

Итак, совокупность данных дневника, русской приказной документации и свидетельств иноземцев убедительно свидетельствует в пользу авторства В. Боуша. Сравнение показаний дневника с данными иных источников служит доказательством высокой точности дневниковых записей и, одновременно, их ценности для реконструкции отдельных эпизодов истории дипломатических отношений в Восточной Европе 1650–1660-х гг. Несомненно, что работа по изучению дневника должна быть продолжена, и её итогом должно стать полное издание этого источника.

⁶⁷ Путешествие из Вены в Москву в 1655 г. // Русский вестник. 1869. № 9. С. 137–165.

⁶⁸ Впрочем, уровень языковой подготовки, в том числе знаний немецкого языка у переводчиков Посольского приказа середины XVII в., вызывает вопросы и у современных исследователей (*Прудовский П.И.* Переводчики царского языка Посольского приказа за работой // Переводчики и переводы в России... С. 115–118).

⁶⁹ Описание второго посольства в Россию датского посланника Ганса Ольделанда 1659 г., составленное посольским секретарём А. Роде // Голос минувшего. 1916. № 7–8. С. 364.

⁷⁰ Там же. С. 366–368; *Tagebuch*, л. 64.

⁷¹ Путешествие в Московию барона Августина Майерберга. М., 1874. С. 72; *Tagebuch*, л. 91–91 об.